

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ И ЭРГОНОМИНАЦИЙ

Гридина Т. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>

SPIN-код: 9100-3240

Коновалова Н. И.

Уральский государственный педагогический университет

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

SPIN-код: 5984-0528

А н н о т а ц и я . Проблемное поле статьи определяется исследованием соотношения лексикографической фиксации слов определенной эпохи в проекции на их функционал в речевых практиках, определяющих динамику языковых процессов. Материалом исследования выступает «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова, отражающий не только общие тенденции составления словарей такого рода, но и во многом индивидуальный «почерк» автора. Это проявляется в толковании слов в опоре на типовые ситуации их употребления в речи при использовании синонимических коррелятов разных функциональных регистров и разветвленной системы стилистических помет, маркирующих диапазон вероятностной сферы речевой реализации лексем. Ситуативно ориентированное описание значений слов дает возможность выявления динамики их употребления при сопоставлении с данными современной лексикографии (в частности, это касается разряда феминитивов, получающих новый «импульс» осмысления и стилистической маркированности в настоящее время). Выявлена операциональность техники толкования единиц одного словообразовательного гнезда через отсылку к мотиваторам, каждый из которых представлен в отдельной словарной статье: это дает возможность проследить динамику производных слов в соотношении с производящими. Особым ракурсом анализа дискурсивной направленности Словаря Д. Н. Ушакова выступает семантизация эмоционально-оценочных лексем с пометой «шутл.». В динамическом аспекте именно такого рода коннотации могут служить индикаторами языковых изменений, в частности, маркируя употребление слов как проявление смехового регистра языковой игры. Отдельный интерес представляет дискурсивная семантизация хронологического характера, демонстрирующая динамичность словарного состава языка. В этом плане в статье охарактеризованы процессы новой архаизации: переход слов из разряда общеупотребительных в пассивный запас на рубеже XX–XXI веков, а также вторичная архаизация слов, когда-то вернувшихся из пассивного запаса. Динамика языковых процессов, отраженная в лексикографических источниках, находит специфическое преломление в современных дискурсивных практиках, в частности, в номинациях объектов городского пространства, в свете которых город предстает как своего рода культурный текст, демонстрирующий социолингвистические аспекты нового осмысления исходной семантики слов разных исторических периодов. В данном ключе проанализированы эргонимы Екатеринбурга как отражение новой ассоциативной обработки значений слов пассивного запаса с целью направленного воздействия на мировоззренческие установки современного городского социума.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексикография; лексическая семантика; динамика языковых процессов; дискурсивные практики толкования значений; ассоциативный потенциал слова

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Правительства Свердловской области, грант № 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Гридина, Т. А. Динамика языкового сознания в свете лексикографических данных и эргономинаций / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 323–336. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-323-336.

**DYNAMICS OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
IN THE LIGHT OF LEXICOGRAPHIC DATA AND ERGONYMS**

Tatiana A. Gridina

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>

Nadezhda I. Konovalova

Ural State Pedagogical University
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

Abstract. The problem field of the article is shaped by the study of the correlation of lexicographic entries of words of a certain epoch in projection on their functioning in speech practices that determine the dynamics of language processes. The “Explanatory Dictionary of the Russian language” by D. N. Ushakov, reflecting not only the general trends in compiling dictionaries of this kind, but also in many ways the individual “handwriting” of the author, constitutes the research material of this study. This is manifested by the interpretation of words based on the typical situations of their use in speech while providing synonymous correlates of different functional registers and an extensive system of stylistic notes marking the boundaries of the feasible scope of the use of these lexemes in speech. Situationally oriented description of the meanings of words makes it possible to identify the dynamics of their use when compared with the data of modern lexicography (in particular, this applies to the category of feminitives receiving a new “impulse” in their comprehension and stylistic marking at the present time). The study reveals the operability of the technique of interpreting units of the same word-formation paradigm through reference to motivators, each of which is presented in a separate dictionary entry: this allows tracing the dynamics of derived words in comparison with the words they are derived from. A special perspective of the analysis of the discursive orientation of Ushakov’s Dictionary is the interpretation of emotional-evaluative lexemes with a note (*joking*). In the dynamic aspect, it is this kind of connotations that can serve as indicators of language changes, in particular, marking the use of words as a manifestation of the laughing potential of language game. Of particular interest is the discursive semantization of a chronological nature, demonstrating the dynamism of the vocabulary of the language. In this regard, the article describes the processes of new archaization: the transition of words from the category of the commonly used vocabulary into the passive vocabulary at the turn of the 20th–21st centuries, as well as the secondary archaization of words that once returned from the passive vocabulary. The dynamics of linguistic processes reflected in lexicographic sources is specifically presented in modern discursive practices, in particular, in urbanonyms, in the light of which the city appears as a kind of cultural text demonstrating sociolinguistic aspects of a new understanding of the original semantics of words of different historical periods. In this way, the ergonyms of Ekaterinburg are analyzed as a reflection of the new associative processing of the meanings of words of the passive vocabulary in order to influence the worldview attitudes of the modern urban society.

Keywords: lexicography; lexical semantics; dynamics of language processes; discursive practices of interpretation of meanings; associative potential of the word

Acknowledgments: The current research was carried out with financial support of the Russian Science Foundation and the Government of Sverdlovsk Region, grant No. 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>.

For citation: Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2023). Dynamics of Linguistic Consciousness in the Light of Lexicographic Data and Ergonyms. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 323–336. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-323-336.

Предварительные замечания

Динамика языковых процессов – сложный феномен, предполагающий взгляд на современное состояние языка сквозь призму диахронических срезов, фиксируемых, в первую очередь, разными типами словарей, прежде всего – толковыми. Сле-

дует учитывать тот факт, что семантизация слова – процесс творческий, во многом отражающий индивидуальный почерк лексикографа (как в плане отбора, так и в плане интерпретации значений словесных знаков). В этом отношении Словарь Д. Н. Ушакова представляет несомненный

интерес. Яркую характеристику данного словаря находим у М. В. Панова: «...словарь часто вызывает эстетическое чувство... Каждый читатель, вникающий в него со вниманием, бывает вдруг остановлен прекрасным по точности и изяществу определением значения, яркой цитатой-иллюстрацией, тонким разграничением значений» [Электронный ресурс: <https://russkiymir.ru/publications/309587/>].

В Предисловии отмечается, что «... выпускаемый толковый словарь не ставит себе целью объять все богатство русского языка во всем его историческом и территориальном объеме. Он дает объяснение значений слов современного русского литературного языка, <под которым> понимается ... вообще книжная и разговорная речь образованных людей» [ТСРЯ 1935, I: XXII]. Однако данное определение явно не исчерпывает концепции рассматриваемого словаря, специфика которого заключается в отражении внутреннего устройства лексикона как динамического фрагмента соответствующего периода жизни (судьбы слова) в языке. Используя современную терминологию, можно было бы назвать этот словарь дискурсивно ориентированным. Ср. Дискурс – «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137].

Характер толкований в плане их ориентации на тот или иной тип дискурса проявляется в фиксации социально обусловленных, временных, возрастных, экспрессивных факторов использования соответствующих слов.

В целом толкования имеют комплексный характер, создавая некий «портрет слова» в свете его речевой актуализации. Принципы толкования ориентированы на **типичные ситуации** употребления слов в речи – с привлечением широкого спектра синонимических коррелятов разных функциональных регистров («разновидностей книжной и устной речи»); комментарий сопровождается использованием разветвленной системы стилистических помет, устанавливающих границы употребления слов: (разг.), (простореч.), фам. (фамильярное), детск. (детское) и экспрессивные пометы, указывающие на выразительные оттенки (экспрессию) слов. Сюда относятся (бран.), (ирон.), (неодобрит.), (шутл.), (пре-

зрит.), (пренебр.), (укор.), (торж.), (ритор.), (звф.) – «употребительное эвфемистически для замены прямого обозначения чего-нибудь описанием с целью скрыть, прикрыть что-нибудь предосудительное» [ТСРЯ 1935, I: XXVIII]. Нередко все эти параметры могут быть отнесены к разряду слов с шутл. и/или иронич. коннотацией. Такая «дискурсивная» семантизация отражает разные ракурсы лексикографической обработки «видения слова» носителями языка, выявляя черты наивного сознания в соотношении с научной категоризацией представляемого в словаре материала. Ситуативно ориентированное описание значений слов дает возможность выявления их речевой динамики в соотношении с данными современной лексикографии.

Лексикографические техники дискурсивной семантизации слова

Рассмотрим в этом ключе некоторые наиболее востребованные автором техники представления словарных значений в данном лексикографическом источнике:

1. Толкования слов сопровождаются указанием на типовую ситуацию и /или типовой контекст употребления слова (словосочетания, устойчивые обороты, отражающие использование слов в разных дискурсах; фиксируется специфика лексической и грамматической сочетаемости толкуемого слова, в том числе экспрессивно-оценочные коннотации слов; дополнительная семантизация лексем подкрепляется через фразеологизмы / пословицы).

Например:

АВТОРИТЕТ. «1. Общепризнанное значение, влияние кого-чего-н. *Пользоваться вполне заслуженным авторитетом. Иметь а. Приобрести а.* 2. Лицо, пользующееся авторитетом (в 1 знач.). *Этот ученый – а. в своей области*» [ТСРЯ 1935, I: 11].

АВАНТЮРА. «1. Приключение, похождение. || То же с оттенком осуждения; неблагоприятное дело (разг.). *Любовные авантюры. Он пустился в авантюры.* 2. Дело, предпринятое неосновательно, без шансов на удачу, рискованное. *Дальневосточная а. 1904 г. Участник авантюры Юденича*» [ТСРЯ 1935, I: 7].

Формат семантизации через отсылку к типовой ситуации и типовому контексту особенно показателен для описания **дис-**

курсивных слов – частиц, междометий – с указанием интонационных особенностей, соответствующих выражению намерения говорящего:

АГА. «1. междом., с восклицательной интонацией... *Так вот как! вот видишь! Ага! попался! Ага! теперь ты боишься!* 2. частица (с утвердительной интонацией). Конечно, ладно, да (простореч.). – *Ты помнишь его? – Ага!*» [ТСРЯ 1935, I: 11-12].

АЙ. междом. «1. Выражение боли или испуга. *Ай! Закричала девочка, увидев мышь.* 2. Выражение упрека или укоризны. *Ай, как нехорошо!...*» [ТСРЯ 1935, I: 18-19].

АУ. междом. «1. Крик, к-рым взаимно обмениваются в лесу, чтобы не потерять друг друга. 2. Восклицание в знач.: конечно, пропало (разг.). *Уж ау, брат: прежнего не воротись.* Островский» [ТСРЯ 1935, I: 70].

Б. частица. «То же, что “бы”. *Если б я знал! Было б болото, а черти найдутся.* Пословица» [ТСРЯ 1935, I: 73].

Ср. описание функционала частицы **А:** «**А.** вопросит. частица (разг.). Что? как? *Что ты сказал? а?*» [ТСРЯ 1935, I: 2].

«**А.** междом. (разг.) 1. Выражение догадки, удивления (произн. протяжно). *А вот оно что!* || То же с оттенком иронии или злорадства. *А так вот вы как!* || То же в начале приветствия. *А, это вы, Иван Иванович! А, здравствуйте!* 2. Выражение решимости с оттенком отчаяния или досады. *А, была не была, пойду!* 3. При повторном обращении к кому-н., как выражение нек-рой настойчивости. *Ваня, а Ваня, иди сюда!...*» [ТСРЯ 1935, I: 2].

В качестве значимых комментариев к употреблению слов при их толковании нередко отмечаются случаи **типичных речевых ошибок**, например, связанных с паронимастическими подменами:

АГАТ. «Ценный твердый минерал, полудрагоценный камень, состоящий из слюев различной окраски. || перен. О черных глазах, волосах, *ошибочно вместо гагат* (поэт.). *Нет, не а. в глазах у ней.* Пушкин» [ТСРЯ 1935, I: 12].

Ситуативно ориентированное описание значений слов дает возможность **выявления динамики их употребления** при сопоставлении с данными современной лексикографии.

Ср., например: **ИНСПЕКТОРША...** (разг.). «Жена инспектора || Женщина-

инспектор (*неправ.*)» [ТСРЯ 1935, I: 1210]. **ИНСПЕКТРИСА...** (*дореволюц.*). «Женщина, исполнявшая обязанности инспектора в женских учебных заведениях. *И. Смольного института*» [ТСРЯ 1935, I: 1211].

Современными словарями русского языка лексема *инспектриса* не фиксируется, а слово *инспекторша* переходит из разряда разговорных в просторечное. См.: **ИНСПЕКТОРША** (прост.) – ж. к **ИНСПЕКТОР**. Должностное лицо, занятое инспектированием чего-н. [ТССРЯ 2007: 301]. Значение «жена инспектора» уже не отмечается, хотя в живой разговорной речи вполне может быть востребовано. Смена стилистического регистра подобных феминитивов и изменение их значений, уход старых наименований и одновременное появление целого ряда новых – активный процесс современного русского языка, ср. *авторесса, авторка, критикесса, психологиня, ректорша, депутатка, блогерка, организаторка, адвокатка, президентка* и др. (см., например: [Кронгауз 2019, Фуфаева 2020]).

2. Толкования на основе мотивационного перифраза.

Данный способ принят (используется Д. Н. Ушаковым) в толкованиях производных слов через отсылку к непосредственному мотиватору, кодериватам и /или другим однокоренным словам, значения которых даны в отдельных словарных статьях. Толкования, таким образом, получают «перекрестный» характер, стимулируя рефлексию читателя к установлению семантических связей между единицами одного словообразовательного гнезда.

Например: **АВАНТЮРИЗМ.** «Склонность к рискованным похождениям или неблагоприятным поступкам, к *авантюрам*» [ТСРЯ 1935, I: 7]. **АВАНТЮРИСТ.** Искатель приключений. || Человек, склонный к *авантюризму*» [Там же].

АПЕЛЛЯЦИЯ. «Жалоба на решение суда, подаваемая в высшую судебную инстанцию. || Действие по глаг. *апеллировать*» [ТСРЯ 1935, I: 48].

АДРЕСАТ. «Лицо, к-рому *адресовано* почтовое отправление; **получатель.** *Письмо возвращено отправителю за ненахождением адресата...*» [ТСРЯ 1935, I: 16].

Мотивационные связи как способ толкования значений слов отражают активные процессы их осмысления в живых ре-

чевых практиках (преимущественно в разговорной речи), выступая как естественный механизм выведения смысла незнакомого слова через отсылку к знакомому, или служат для уточнения актуальных для говорящего компонентов значений употребляемых слов. См., например:

ЖИДЕЛЬ (простореч.). «Жижа, совершенно *жидкое* вещество, масса (о пище, напитках). *Жидели какой-то налили вместо супу* || Тонкий, *совсем не плотный* предмет. *Это сукно совсем жидель*» [ТСРЯ 1935, I: 868].

ДЕЕСПОСОБНЫЙ (книжн.). «1. Имеющий право на совершение *действий* юридического характера и несущий ответственность за свои поступки (право). *Малолетние не являются дееспособными*. 2. Способный к *деятельности*. *Организм его еще дееспособен*» [ТСРЯ 1935, I: 670].

В обоих примерах толкование слов через отсылку к мотиватору служит эффективным способом пояснения их значения: в первом случае указывая на основание номинации предмета по характерному признаку пищи /напитка; во втором примере – фиксируя специальные оттенки значения слова в сфере правоведения и физиологии.

3. Толкования через синонимы и антонимы

Данные способы толкования могут иметь автономный характер (толкование через синоним или через антоним), а также комплексный характер, когда в толкование, наряду с синонимами, включаются и антонимические корреляты, снабжаемые пометой *противоп.* (противоположный).

БЕЗГРАМОТНОСТЬ. «2. То же, что во 2 знач., *неграмотность* (офиц.). *Ликвидация безграмотности*» [ТСРЯ 1935, I: 106].

АНФАС. «О лице, как оно представляется взору, если смотреть на него не сбоку, а прямо; *противоп.* *в профиль*» [ТСРЯ 1935, I: 47].

АСИММЕТРИЯ. «Отсутствие *симметрии*» [ТСРЯ 1935, I: 63].

АНТИПАТИЯ. «Чувство *нерасположения, неприязни, отвращения; противоп.* *симпатия*. *Я почувствовал к нему антипатию с первого взгляда*» [ТСРЯ 1935, I: 44].

АКТУАЛЬНЫЙ. «1. Существующий в действительности, осуществлённый; *противоп.* *потенциальный* (науч.). 2. *Насущный*, важный в настоящее время, *злободневный*

(нов.). *Актуальная задача данного момента*» [ТСРЯ 1935, I: 24].

Особо отметим синонимические толкования, фиксирующие стилистические различия, ситуативно ограничивающие употребление соответствующих коррелятов в речи:

КУШАТЬ. «*Есть*, принимать пищу (употребляется в форме пов. накл. и инф. при вежливом или ласковом приглашении к еде, иногда к питью). *Кушайте, пожалуйста, пироги! Пожалуйста к.! Садитесь чай к.!* || То же, во всех формах, кроме 1-го лица, употреблялось в подобострастно-вежливом выражении (о господах, высоких особах и т. п.; дореволюц. простореч.). *Барыня кушают*» [ТСРЯ 1935, I: 1561].

Приведенный пример показателен в отношении динамических сдвигов в употреблении глагола *кушать*, который в современной языковой ситуации имеет коннотацию принадлежности к «языку нянь» в коммуникации взрослого с ребенком, а также маркирует уровень речевой культуры говорящего как носителя просторечия.

Характер такого рода толкований, подкрепляемых типовыми контекстами, «отзеркаливает» дискурсивные практики семантизации слова в опоре на системно заданные пресуппозиции и их представленность в обыденном языковом сознании.

4. Толкование через развернутую дефиницию – с выделением существенных признаков обозначаемого и введением слова в определенную категорию, а также с указанием ситуаций переносного употребления слова.

АБСТРАКЦИЯ. «1. Мысленное отделение каких-н. свойств и признаков предмета от самого предмета (науч.). || Отвлеченное понятие (книжн.). 2. Неясное, туманное выражение мысли (разг. неодобрит.). *У него получилась такая а., что никто ничего не понял*» [ТСРЯ 1935, I: 5].

В данном толковании зафиксирована тенденция к приобретению любыми словами с абстрактной семантикой отрицательных коннотаций, связанных с восприятием неясной, возможно, намеренно усложненной речи; шутливо дискредитируется неумение адресата четко выражать собственные мысли. Вероятность использования слова в таком значении **обуслов-**

лена ситуативно как возможный маркер оценки понятности – непонятности речи для адресата [Норман 2016, 2018; Российская ... 2021].

ЗАВОРОЖИТЬ (книжн.). «1. ... Подчинить волшебной силе, сделать волшебным, заколдованным (поэт., устар. и обл.)... 2. *Перен.* ... Совершенно очаровать, оборотить кого-н., всецело завладеть чьим-н. вниманием, мыслями, чувствами (кнжн.)... 3. ... Начать ворожить...» [ТСРЯ 1935, I: 906].

Как видно из данного примера, значения слова-полисеманта при его толковании вводятся в три категории – магия (волшебство), «пленяющее» воздействие на эмоционально-чувственную сферу воспринимающего; гадание как ритуальная практика.

Разнообразие представленных в словаре способов описания значений вместе с тем подчиняется принципу их комплексного применения – экономного способа подачи материала с учетом показательных для речевой практики вариантов толкования, сопровождаемых авторскими комментариями. См., например: **АНТИЧНЫЙ**. «1. Относящийся к древнему миру, к истории и культуре древних греков и римлян. А. *памятник. Античное искусство.* 2. Правильный, красивый (*преимущ. о чертах лица*). А. *нос. А. профиль*» [ТСРЯ 1935, I: 46]. Выделенная в описании употребления слова авторская «ремарка» – своеобразная мнемоника, ориентирующая читателя словаря на типовой контекст употребления слова в указанном значении.

Дискурсивная направленность Словаря Д. Н. Ушакова ярко проявляется в семантизации коннотированных лексем, снабженных пометой *шутл.*, *шутл.-разг.*, *шутл.-ирон.*, а также в толковании эмоционально-оценочных экспрессем (как устойчиво закрепленных за значениями слов, так и имеющих статус речевых «опозитов и симиларов» – в терминах А. А. Залевской). В динамическом аспекте именно такие оценочные коннотации могут служить индикаторами языковых изменений, в частности, маркируя употребление слов с пометой *шутл.* как проявление смехового регистра языковой игры [Гридина 2021].

Приведем некоторые примеры словарных толкований, фиксирующих подобные ассоциативно-смысловые трансформации:

АЛЬЯНС. «Союз (книжн.). *Международный кооперативный а. Политический а.* || Соглашение, уговор, близость (*разг. шутл.*). *Между ними замечается некоторый а.*» [ТСРЯ 1935, I: 31].

Отмеченный семантический сдвиг в соотношении слова с референтом обуславливает шутливую коннотацию его употребления в разговорной речи.

БЭ. «Название буквы “б”, название соответствующего звука... **Ни бэ, ни мэ (не знать)** (*шутл. фам.*) – о полном незнании. *Он ни бэ, ни мэ не знает по-немецки. Он ни бэ, ни мэ в математике*» [ТСРЯ 1935, I: 214].

Подобные типовые контексты в виде поговорок часто отражают прагматику актуализации слова в игровом (шутливом) ключе. В данном случае прием языковой игры основан на ассоциативной идентификации названия буквы русского алфавита с «блеянием овцы» (как метафорическим маркером невнятной речи человека, свидетельствующей о его интеллектуальной беспомощности в какой-л. области знаний).

БАЛАХОН. «Просторный и длинный халат... || Дурно сшитая, широкая, длинная одежда (*разг.*). *Надел какой-то б.*» [ТСРЯ 1935, I: 81].

Отрицательно-оценочная коннотация, зафиксированная во втором значении слова (см. идентификатор *дурно*), задает потенциальную перспективу его шутливого толкования. Ср. определение данного слова в [ТССРЯ 2007: 8]: «Просторный длинный халат, а также (*шутл.*) вообще слишком просторная, бесформенная одежда». В современной разговорной речи слово актуализирует данные коннотации в том числе в игровом ключе – при намеренно парадоксальном соответствии с референтом: *Надевай свой парадно-выходной балахон.*

В некоторых случаях зафиксированные Д. Н. Ушаковым коннотации, указывающие на шутливый характер слов, неактуальны для их современного употребления в связи с архаизацией самих обозначаемых реалий:

КАНЦЕЛЯРИЯ. «Отделение какого-н. учреждения, занятое делопроизводством, составлением бумаг... К. *университета. Справки выдает к.* || *перен.* Чьи-н. деловые бумаги, документы, записки (*разг. шутл.*). *Я перенес всю канцелярию на другой стол и уселся продолжать письмо*» [ТСРЯ 1935, I: 1308].

В самом Словаре такая динамика для целого ряда слов представлена специальной пометой (в 3-м значении): см., например: **КОМИССИЯ**. *перен.* «Всякое затруднение, возня, хлопоты (*разг. шутл.*). Что за к., создатель, быть взрослой дочери отцом!..» [ТСРЯ 1935, I: 1422].

Обобщая сказанное, можно констатировать, что Словарь Д. Н. Ушакова – ценный источник для изучения языка соответствующей эпохи в проекции на современную лингвокультурную ситуацию, чему способствует операциональность техник толкования в плане их ориентации на тот или иной тип дискурса.

Отдельный интерес представляет дискурсивная семантизация хронологического характера, демонстрирующая динамичность словарного состава языка. Для русского языка, как для любого живого языка, характерно, с одной стороны, обновление составляющих его элементов и отношений между ними, с другой, – устаревание, архаизация единиц разных уровней.

Особенно ярко эти процессы проявляются в лексике, где отмечается переход слов (или отдельных значений полисемантов) из активного запаса в пассивный. Возможен и обратный процесс возвращения архаизированных лексем и фразем в активное употребление, при этом их понятийное содержание или коннотации изменяются. Ср., например, лексику сферы «образование»: *гимназия, лицей, гувернер, гувернантка*; сферы «номинация общественно-политических явлений»: *статус, губернатор, генерал-губернатор, гильдия, иноходец, департамент* и др.

Причины таких изменений чаще всего имеют экстралингвистический характер: развитие науки и техники, активизация международных связей государств, изменение / забвение культурных традиций и пр. Отмечаются и внутриязыковые причины архаизации: синонимическая замена, терминологизация, взаимодействие разных страт национального языка и т.п.

Процессы архаизации в русском языке находят отражение в лексикографической практике семантизации как конкретной, так и абстрактной устаревшей лексики, при этом необходим лингвокультурологический комментарий, соотносящий слово с

его предметным содержанием и историческим контекстом [Гридина, Коновалова 2017; Булыгина, Трипольская 2017].

В русской лексикографической практике используется, как правило, два способа для обозначения устаревшей лексики: 1) пометы *стар.*, *устар.*, *арх.*; 2) включение в словарную дефиницию идентификаторов исторической перспективы *в старину, в царской России, в прошлом, в дореволюционной России, в буржуазном обществе, в советское время* и др., а также конкретных временных границ функционирования слова в русском языке *в эпоху Ивана Грозного; с начала 30-х гг. XX века* и т.п.

См. как это представлено в Словаре Ушакова: **«нов.** – т. е. новое, означает, что слово или значение возникло в русском языке в эпохи мировой войны <речь идет о Первой мировой войне> и революции (т. е. с 1914 года); *церк.-книжн.*, т. е. церковно-книжное, означает что слово является пережитком той эпохи, когда церковнославянская стихия преобладала в русском литературном языке; **«старин.** – т. е. старинное, указывает, что слово является пережитком отдаленных эпох истории русского языка, но употребляется иногда авторами с какой-нибудь нарочитой стилистической целью; **устар.** – т. е. устарелое, означает: вышедшее или выходящее из употребления но еще широко известное, между прочим, по классическим литературным произведениям 19 века» [ТСРЯ 1935, I: XXVII].

Приведем несколько примеров архаизмов разных типов, представленных в Словаре Д. Н. Ушакова:

– акцентологический: **«СТАРЁЕ** и (*устар.*) **СТÁРЕЕ**. ... То же, что старше. ... *Что стáрее, то хуже.* Грибоедов» [ТСРЯ 1940, IV: 484];

– фонетический: **«СТАНС** и (*устар.*) *станц.* ... В стихах – строфа, представляющая собой законченный синтаксический период || *только мн.* Стихотворение, состоящее из таких строф» [ТСРЯ 1940, IV: 483];

– грамматический: **«ЗЫБАТЬ** и **ЗЫБИТЬ** (*инф. и прош.* вышли из употр.), *зыблю, зыблешь, несов. (книжн. устар.). 1. что.* Колыхать что-н., производить зыбь на чем-н.» [ТСРЯ 1935, I: 1122];

– лексический: **«ЗРЕТЬСЯ... (книжн., устар.). 1. Виднеться. Зрелася ладья, бегущая в**

тумане. Пушкин. || *перен.* Представляться воображению. *Ей своенравный зрелся лик. Баратынский*» [ТСРЯ 1935, I: 1118];

– семантический: **«ЗУБАТОВЩИНА ... (истор. полит.)**. Полицейский социализм, особая форма борьбы самодержавия с растущим рабочим движением путем показной защиты экономических требований рабочего класса полицейскими органами. [По имени начальника московского охранного отделения Зубатова, под руководством которого в 1901 г. в Москве было создано «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве»] [ТСРЯ 1935, I: 1119].

В словарях лексики рубежа XX–XXI вв. [ТССРЯ 2001; Бутакова, Гуц 2023; Леонтьева, Щетинина 2021] частично сохраняется система помет, характеризующих динамику употребления слова: *в советск. время, в соврем. употр.*, но вводятся специальные знаки. **Во-первых**, для лексики, вернувшейся с периферии общественного языкового сознания, которая сопровождалась в словарях советского времени пометой *устар.* или комментариями *в старину, в дореволюц. России* и т. п. (стрелка вправо). Во-вторых, для слов, уходящих в пассивный запас (стрелка влево). Кроме того, в-третьих, выделена группа слов, подвергшихся актуализации, т. е. претерпевших на рубеже веков семантические, стилистические, сочетаемостные и др. изменения (стрелка вверх).

Наиболее показательными в плане архаизации лексики на рубеже XX–XXI века являются десовитизация и деидеологизация языка, в результате чего потеряли актуальность и вышли из активного запаса полностью или стали крайне редко употребительными названия реалий советского периода. К ним относятся:

а) номинации из сферы экономики: **«ДЕНОМИНАЦИЯ** – изменение нарицательной стоимости денежных знаков с целью стабилизации валюты или упрощения расчетов путем обмена старых денежных знаков на новые ... Последняя денотация в России производилась в течение 1998 г. с увеличением стоимости рубля в 1000 раз» [ТССРЯ 2001: 211], **ПЯТИЛЕТКА** – «в советск. время пятилетний план развития народного хозяйства СССР, принимавшийся обычно на очередном съезде

коммунистической партии; период действия такого плана» [ТССРЯ 2001: 647], **ЧЕЛНОК** – «*перен., разг.* Мелкий торговец, ввозящий товар из-за рубежа и вывозящий его за границу с последующей реализацией на местных рынках» [ТССРЯ 2001: 846], **ПРИВАТИЗАЦИЯ** – «экон. Передача государственного или муниципального имущества в собственность отдельных лиц или коллективов за плату или безвозмездно» [ТССРЯ 2001: 622–623];

б) идеологические понятия, штампы и клише: **ДЕНОМЕНКЛАТУРИЗАЦИЯ** – «*полит.* Ликвидация системы партийной номенклатуры (дающей возможность занимать руководящую должность только лицам, персонально назначаемым той или иной инстанцией КПСС) [ТССРЯ 2001: 211], **КООПЕРАТИВ** – «форма совместной экономической деятельности граждан на основе находящегося в коллективной собственности имущества, средств производства, капиталов» [ТССРЯ 2001: 382], **ТОВАРИЩ** – «в советск. время обращение к незнакомому человеку; официальное именование советского человека» [ТССРЯ 2001: 782], причем слово употреблялось применительно к лицам как мужского, так и женского пола;

в) обозначения органов правопорядка и служб исполнения наказаний: **ГКЧП** – «*полит., сокр.* Государственный комитет по чрезвычайному положению. Высший орган власти, созданный в августе 1991 г. при попытке государственного переворота» [ТССРЯ 2001: 174], **ГБ** – «сокр. Органы государственной безопасности» [ТССРЯ 2001: 168].

Особый интерес представляет, условно говоря, «новая архаизация», которую можно понимать в двух смыслах: во-первых, это переход слов из разряда общепотребительных в пассивный запас на рубеже XX–XXI веков; во-вторых, это вторичная архаизация слов, когда-то вернувшихся из пассивного запаса [Коновалова 2021].

Этот процесс «новой (или вторичной) архаизации» касается в первую очередь названий устаревших технических устройств, гаджетов, девайсов: *дискета, диапроектор, аудиокассета, пейджер, телефон-автомат* и др.

Активно архаизируются, в том числе повторно, названия денежных единиц: **ДВУШКА** – «разг. В советск. время монета

достоинством в две копейки, которая, в частности, использовалась для оплаты разговора в телефонах-автоматах» [ТССРЯ 2001: 199-200], **ТРЕШКА** // *трёха* // *трёшник* // *трёшница* – «разг. три рубля» [ТССРЯ 2001: 792-793], небольшая бумажная купюра, **ПЯТАК** – «разг. Пятикопеечная монета (о монете, имевшей хождение до инфляции. Была упразднена денежной реформой 1991 г. Современную монету достоинством в 5 копеек, введенную в оборот после денонминации 1997 г., пятаком не называют» [ТССРЯ 2001: 646], к тому же сейчас такой монеты в ходу практически нет и др. Зато уже отмечается употребление этого слова по отношению к пятитысячной купюре.

Динамика языковых процессов, отраженная в лексикографических источниках, находит специфическое преломление в современных дискурсивных практиках, в частности, в номинациях объектов городского пространства. Проиллюстрируем это на материале эргонимов г. Екатеринбурга, в свете которых город предстает как своего рода культурный текст, демонстрирующий социолингвистические аспекты нового осмысления исходной семантики слов разных исторических периодов.

Лексика пассивного запаса в современной эргономии

Обращение к данному материалу обусловлено тем, что рассматриваемый Словарь Д. Н. Ушакова, так же как и последующие толковые словари, фиксирует языковой «континуум» определенной эпохи, что требует особого рода комментария архаизированной лексики в новом социокультурном контексте.

В фокусе внимания при таком подходе оказываются, в частности, эргономии, транслирующие и формирующие мировоззренческие установки современного городского населения в свете «языкового вкуса эпохи» [Костомаров 2015].

Одним из векторов эргономии является новая **когнитивная обработка историзмов и архаизмов**. Ср., например, следующие названия заведений городского общепита:

ТРАПЕЗА – столовая; ресторан быстрого питания; кафе. **ТРАПЕЗНАЯ** – кафе. **ДОМАШНЯЯ ТРАПЕЗА** – кофейня. **ЦАРСКАЯ ТРАПЕЗА** – ресторан. **ПРАВОСЛАВ-**

НАЯ ТРАПЕЗА – кафе Ново-Тихвинского женского монастыря, где возрождается традиция празднования именин. В перечисленном ряду только два последних названия соответствуют изначальной семантике положенного в их основу апеллятива. См. значения 1-3 данной лексемы в Словаре Д. Н. Ушакова: «ТРАПЕЗА. 1. Общий стол для приема пищи в **монастыре (церк.)**. *Сесть за трапезу. Зачем и мне не тешишься в боях, не пировать за царского трапезой?* Пушкин. 2. *Только ед.* прием пищи (обед, ужин) за таким столом (**церк.**). *Вечерняя т.* || Вообще прием пищи, еда (**устар.**, теперь **шутл.**). *Давно ль они часы досуга, трапезу, мысли и дела делили дружно?* Пушкин. *Уважающие себя горожане готовились к обеденной трапезе.* А. Н. Толстой. *За трапезой убогой отдохнуть с своей семьей.* Вяземский. *Есть с кем разделить трапезу этого великого дня.* Салтыков-Щедрин. 3. Помещение для еды, столовая в монастыре (**церк.**). 4. Западная часть христианского храма (церк.)» [ТСРЯ 1940, IV: 776].

Ср. дефиниции приведенных выше слов в ТССРЯ [2007: 996]: «ТРАПЕЗА 1. Общий стол для приема пищи в монастыре. 2. Прием пищи, еда в монастыре. ТРАПЕЗНАЯ – монастырская столовая».

Подчеркнем, что пометы *устар.* и *шутл.* при этих словах в данном словаре отсутствуют.

Вполне очевидно, что в современном словарном представлении значения рассматриваемых слов сохраняют референтную соотнесенность с церковным обиходом, в обыденном же употреблении происходит расширение их денотативной сферы за счет утраты коннотации книжности и дифференциального компонента «относящийся к церковному быту». Кроме того, в исходном значении слова «трапеза» содержится импликатура «дружеское общение во время неспешного приема пищи в торжественной или домашней обстановке, в часы досуга» (см. вышеприведенные контексты). В эргонимах актуализируется только профанный компонент «место, где едят», маркирующий названия заведений общепита, в частности, ресторанов и кафе быстрого питания. Этот когнитивный сдвиг как несоответствие функции объекта его названию в первоначальном смысле

практически не осознается представителями городского социума. Так, данные проведенного нами ассоциативного эксперимента на базе рандомной выборки респондентов показывают, что самыми частотными реакциями на заданные эргонимические стимулы являются *еда, пища, быстро, поест, быстропит*. На периферии ассоциативного поля эргонима «Царская трапеза» зафиксирована реакция прецедентного типа *Иван Васильевич меняет профессию*, отсылающая к названию известной комедии Л. Гайдая.

Эргономинация ТРАПЕЗНАЯ вписывается в широко распространенную в современной практике модель означивания городских объектов общепита субстантиватами типа СУПОШНАЯ, ХЛЕБНИЧНАЯ, ПИРОГОВАЯ и т.п.

К данному ряду примеров можно отнести и использование историзмов в качестве эргонимов с оценочной коннотацией элитарности. Это касается, в частности, названий салонов красоты, предназначенных для тех, кто заботится о своей внешности как средстве создания престижного имиджа в обществе:

ДВОРЯНКА – название парикмахерской, студии красоты, салона косметических услуг. Ср. ДВОРЯНКА – «женск. к дворянин». «Лицо, принадлежащее к дворянскому сословию» [ТСРЯ 1935, I: 661]. **ДВОРЯНСТВО** – «высшее привилегированное сословие (существовавшее в России до революции, состоявшее из помещиков, их потомства и выслужившихся чиновников)» [Там же]. К статье **ДВОРЯНСКИЙ**: «Дворянское происхождение» [Там же].

Данный историзм, в частности, в функции эргономинации, актуализирует изначально присущую ему коннотацию «избранности» применительно к характеристике лица, не имеющего отношения к дворянскому сословию, но претендующего на признание его статусности. Такое явно переносное употребление отражает перемещение коннотативного компонента значения слова-историзма в зону актуального смысла, вытесняя исходную денотативную сему.

Подобной когнитивной обработке в современной языковой ситуации подвергаются названия заведений, связанных с уходом за внешностью (студии красоты,

спа-салоны, бьюти-бары и др.). Показательным примером может служить эргоним **БОГЕМА** (салон красоты). В таких случаях позиционируется престижность, элитарность объекта городского пространства без учета оценочных коннотаций (в какой-то степени даже контрастирующих с исходной семантикой небезопасности и беспорядочности богемного образа жизни). См.: **«БОГЕМА...** [фр. *bohème*, букв. цыганщина]. 1. *собр.* **Необеспеченные** актеры, художники, литераторы и т. п. интеллигенты, ведущие **беспечную** и **беспорядочную** жизнь. *Литературная б.* 2. **Беспорядочный быт** такой среды (разг.). *Дома у него настоящая б.»* [ТСРЯ 1935, I: 161]. Ср.: «Не имеющие устойчивого обеспечения люди творческого труда ..., ведущие беспорядочную жизнь, а также такой образ жизни, среди таких людей» [ТССРЯ 2007: 52].

Некоторые преднамеренные сдвиги в ассоциативной обработке апеллятивной основы эргономинаций связаны с применением техник языковой игры. Таково, например, название салона красоты **ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО**, созданное по принципу «ассоциативного наложения» и «ассоциативной выводимости» (термины Т. А. Гридиной). Эффект языковой игры создается новой мотивацией историзма через отсылку к глаголу «сиять» в значении «исполненный радости, счастья и выражающий своим видом это состояние»; одновременно актуализируется и исходный смысл данного выражения, позиционирующий «сверхуважительное» отношение к клиентам заведения. Ср.: **«СИЯТЕЛЬСТВО**, а, ср. (офиц. до-революц.). В соединении с местоим. *ваше, их, его, ее* – титулование князей, графов, их жен и детей» [ТСРЯ 1940, IV: 196].

Еще одним вектором когнитивной обработки устаревших слов в сфере современного эргонимикона является **«новая архаизация»** так называемых **советизмов** – слов, обозначающих знаковые реалии советской эпохи. Приведем некоторые, наиболее показательные, примеры:

КОММУНА (названия кофейни, ресторана, кафе). Данная эргономинация применительно к типу обозначаемых объектов, очевидно, транслирует идею общения в неофициальной обстановке, в кругу друзей. См., например, отзывы посетителей кафе «Коммуна» в одном из центральных

районов города Екатеринбурга (с историческим названием ГОРОДОК ЧЕКИСТОВ – жилой комплекс в стиле конструктивизма, историко-архитектурный памятник, построенный для сотрудников НКВД в начале 1930-х гг.): уютное место с доброй, **объединяющей** атмосферой; интерьер почти **домашний**; можно **посидеть с друзьями**; тут проводятся поэтические вечера; есть разные настольные игры; подойдет для **посиделок в компании друзей**; можно посмотреть исторические фотографии. Ср. толкование значения слова в его нарицательном смысле: «КОММУНА... [фр. commune]. 1. Коллектив лиц, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда. В Мезени я встретил **ссылнополитических**, к-рые жили небольшой **коммуной**. Се-рафимович. Наша к. состояла из 10 лиц. На **высшей ступени коллективизации** сельского хозяйства сельскохозяйственная **артель преобразуется в коммуны**. **Трудовая к. Дом-к.** || Территория, место, где обитает такой коллектив (разг.). Проезжали мимо **новой коммуны**» [ТСРЯ 1935, I: 1423].

В современном языковом сознании лексема «коммуна» деидеологизирована (утрачивает значение «объединение на основе общности **идей, трудовой деятельности**»), при этом сохраняются семантика коллективного бытия (в узком смысле этого слова «совместное **проведение досуга**, времяпрепровождение в дружеском кругу»).

Процесс десоветизации и деидеологизации наблюдается и в эргонимическом переосмыслении слова-историзма «зарница». Так в эргонимиконе Екатеринбурга данное слово представлено в названии игровых клубов (пейнтбола, страйкбола, лазертага), развлекательных центров и т. п. По своему происхождению данное название является советизмом, ср.: «**В советское время пионерская военная игра**. **Играть в зарницу**. Зарница, как правило, была заранее хорошо подготовлена с помощью вожатых-комсомольцев и напоминала военные учения: **условные военные действия** двух команд друг против друга» [ТССРЯ 2001: 279]. В свою очередь советизм является метафорой и восходит к символике апеллятива «зарница», обозначающего природное явление: «Мгновенная световая вспышка, озаряющая горизонт вечером или ночью, вроде

молнии, но без грома; отблеск дальней грозы. *Небо, полное грозю, от зарниц всё трепетало*. Тютчев» [ТСРЯ 1935, I: 1020]. Основанием метафорического переосмысления служит визуальная аналогия «вспышка молнии – вспышка сигнальной ракеты и т. п.». Вторичное переосмысление «**ЗАРНИЦА**» в названиях развлекательных игровых заведений основано на актуализации компонента «коллективная игра».

Коррелирует с вышеприведенным примером эргонимация **ПРЯТКИ** применительно к новым реалиям развлекательного досуга для детей и молодежи. Таковы названия игровых центров **ПРЯТКИ в темноте** (компания по организации квестов), **МЕСТО ПРЯТОК** (парк развлечений), **ПРЯТКИ** (*локал* – место проведения квеста). Само слово «прятки» без изменения своего денотативного компонента вписывается в новый формат коллективных игр, связанных с интеллектуальной и двигательной активностью игроков, быстрым решением головоломок и логических заданий, а также конкретными действиями исследовательского характера. Ср. ПРЯТКИ в традиционном значении «детская игра, состоящая в том, что все, кроме одного (водящего), прячутся, а тот ищет их. *Играть в п.*» [ТСРЯ 1939, III: 1057].

Особый ракурс исследования динамики языковых процессов в зеркале эргонимаций представляет обыгрывание образной семантики фразеологизмов, в составе которых в качестве словных компонентов, в частности, представлены историзмы и архаизмы. См., например, название бара **МЕДНЫЙ ГРОШ**, которое отсылает к пресуппозиции «дешевое заведение». В отзывах посетителей этого бара отмечается: *ценник приемлемый; рекомендую для небольшой непритязательной компании; банальные огурцы с помидорами не лучшего качества; можно расположиться одному за маленьким столиком под лестницей*. Эти оценки коррелируют с коннотациями слова-историзма «грош», отраженными также в семантике фразеологизмов с этим компонентом. Ср.: ГРОШ. 1. Монета, ценностью в полкопейки (устар.). 2. *чаще мн.* Мало денег, ничтожная цена. ... *Это стоит гроши. За грош или за гроши купить, продать что-н.* (очень дешево, почти даром). **Ни**

гроша нет (разг.) – вовсе нет денег. **Грош медный** или **ломаный цена кому-чему** или **гроша (медного, ломаного) не стоит** (разг. ирон.) – ничего не стоит, очень плохо, никуда не годится...» [ТСРЯ 1935, I: 628].

В данном случае интенция номинатора, вероятно стремящегося привлечь посетителей бара недорогой ценой предлагаемых услуг, «вступает в конфликт» с неучтенными отрицательными коннотациями слова «грош» в его фразеологических репрезентациях.

Заключение

В словаре Д. Н. Ушакова реализована дискурсивно ориентированная модель представления значений, что находит отражение как в вариативных техниках их толкования, так и в иллюстративном материале: фиксации ситуативных контекстов и типовой синтагматики, метафорической и фразеологической специфики употребления слов, стилистической маркированности, определяющей потенциальные зоны их функционирования. Синонимы, антонимы, а также словообразовательные

корреляты толкуемых слов задают собственный ракурс дискурсивной актуализации значений.

Динамика языковых процессов ярко обнаруживается при сопоставлении лексикографических данных (фиксации значений словарями разных эпох), а также с дискурсивными практиками употребления слов в живой речи. Наиболее показательны в этом отношении процессы десоветизации, деидеологизации и новой архаизации советизмов в современной языковой ситуации, связанные с когнитивными сдвигами в осмыслении понятийного и коннотативного компонентов значений.

Динамические процессы функционирования слов в современной языковой ситуации активно проявлены в практиках эргономинации, в том числе с использованием приемов языковой игры, эксплуатирующей оценочный ассоциативный потенциал историзмов и архаизмов в целях мировоззренческого воздействия на сознание современного городского социума.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
- Булыгина, Е. Ю. Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 5-19. – DOI: 10.17223/22274200/11/1. – EDN ZAPCJX.
- Бутакова, Л. О. Эвристический потенциал психолингвистических словарей разного типа / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц // Вопросы психолингвистики. – 2023. – № 3(57). – С. 36-60. – DOI 10.30982/2077-5911-2023-57-3-36-60. – EDN WJQAAA.
- Гридина, Т. А. Словарь В. И. Даля и современная ассоциативная лексикография / Т. А. Гридина // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 117-126. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-10. – EDN YLOOWL.
- Гридина, Т. А. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 119-131. – DOI 10.17223/22274200/11/8. – EDN ZAPCMP.
- Коновалова, Н. И. Семантизация сакральной лексики в словаре В. И. Даля / Н. И. Коновалова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 127-135. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-11. – EDN XQDDZC.
- Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб. : «Златоуст», 2015. – 320 с.
- Кронгауз, М. А. Язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – М. : Издательство CORPUS, 2019. – 512 с.
- Леонтьева, Т. В., Щетинина А. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2021. – 424 с.
- Норман, Б. Ю. «Креатив» говорящего vs. «креатива» слушающего : компромисс взаимопонимания / Б. Ю. Норман // Лингвистика креатива-4 : Коллективная монография / Под ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 174-212. – EDN XQUMWD.
- Норман, Б. Ю. Стереотипные реплики на службе у стандартных речевых актов / Б. Ю. Норман // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2016. – № 14. – С. 222-237. – EDN WDNRTF.
- Российская психолингвистика : итоги и перспективы (1966–2021) (2021) / О. В. Абакумова, Т. В. Ахутина, В. Н. Базылев [и др.]. – М. : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт

языкознания Российской академии наук. – 626 с. – ISBN 978-5-6045633-7-3. – DOI: 10.30982/978-5-6045633-7-3. – EDN AQMQWH.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935-1940.

ТССРЯ – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г. Н. Скляревской. – М. : ООО Издательство «Астрель» : ООО Издательство «АСТ», 2001. – 944 с.

Фуфаева, И. В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция / И. В. Фуфаева. – М. : Издательство АСТ : CORPUS. 2020. – 304 с.

References

Abakumova, O. V., Akhutina, T. V., Bazylev, V. N. etc. (2021). Rossiiskaya psikholingvistika: itogi i perspektivy (1966-2021) [Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021)]. Moscow, Institut yazykoznanija Rossiiskoi akademii nauk. 626 p. DOI: 10.30982/978-5-6045633-7-3.

Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs [Discourse]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, "Sovetskaya entsiklopediya", pp. 136-137.

Bulygina, E. Yu., Tripol'skaya T. A. (2017). Natsional'no-kul'turnyi komponent v semantike slova i sposoby ego predstavleniya v baze dannykh pragmaticheski markirovannoi leksiki [National-Cultural Component in the Semantics of a Word and Ways of Representing It in a Database of Pragmatically Marked Vocabulary]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 5-19. DOI: 10.17223/22274200/11/1.

Butakova, L. O., Guts, E. N. (2023). Evristicheskii potentsial psikholingvisticheskikh slovarei raznogo tipa [Heuristic Potential of Psycholinguistic Dictionaries of Various Types]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 3(57), pp. 36-60. – DOI: 10.30982/2077-5911-2023-57-3-36-60.

Fufaeva, I. V. (2020). Kak nazyvayutsya zhenshchiny. Feminitivy: istoriya, ustroystvo, konkurentsya [What Are Women Called? Feminitives: History, Structure, Competition]. Moscow, Izdatel'stvo AST ; CORPUS. 304 p.

Gridina, T. A. (2021). Slovar' V. I. Dalya i sovremennaya assotsiativnaya leksikografiya [Dictionary of V. I. Dahl and Modern Associative Lexicography]. In *Filologicheskii klass*. Vol. 26, No. 4, pp. 117-126. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-10.

Gridina, T. A., Konovalova N. I. (2017). Parametry leksikograficheskoi interpretatsii dialektnoi frazeologii: lingvokulturologicheskii aspekt [Parameters of Lexicographic Interpretation of Dialect Phraseology: Linguocultural Aspect]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 119-131. DOI: 10.17223/22274200/11/8.

Konovalova, N. I. (2021). Semantizatsiya sakral'noi leksiki v slovare V. I. Dalya [Semantization of Sacred Vocabulary in V. I. Dal's Dictionary]. In *Filologicheskij klass*. Vol. 26, No. 4, pp. 127-135. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-11.

Kostomarov, V. G. (2015). *Yazykovoii vkus epoxi. Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoi mass-media* [Linguistic Taste of the Era. From Observations of the Speech Practice of Mass Media]. Saint Petersburg, "Zlatoust". 320 p.

Krongauz, M. A. (2019). *Yazyk na grani nervnogo sryva* [Language on the Verge of a Nervous Breakdown]. Moscow, Izdatel'stvo CORPUS. 512 p.

Leont'yeva, T. V., Shchetinina A. V. (2021). *Slovar' aktual'noi leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka* [Dictionary of Current Vocabulary of Unity and Enmity in the Russian Language at the Beginning of the 21st Century]. Ekaterinburg, Izdatel'skii dom "Azhur". 424 p.

Norman, B. Yu. (2016). Stereotipnye repliki na sluzhbe u standartnykh rechevykh aktov [Stereotypical Cues in the Service of Standard Speech Acts]. In *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*. No. 14, pp. 222-237.

Norman, B. Yu. (2018). "Kreativ" govoryashchego vs. "kreativa" slushayushchego: kompromiss vzaimoponimaniya ["Creativity" of the Speaker vs. "Creativity" of the Listener: A Compromise of Mutual Understanding]. In T. A. Gridina (ed.). *Lingvistika kreativna-4*. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 174-212.

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2001). *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya*. Moscow, ООО Izdatel'stvo "Astrel" ; ООО Izdatel'stvo "AST". 944 p.

Ushakov, D. N. (Ed.). (1935-1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 Vol.]. Moscow, Gos. In-t "Sov. entsiklopediya" ; OGIZ.

Данные об авторах

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: sakralist@mail.ru.

Дата поступления: 08.11.2023; дата публикации: 30.12.2023

Authors' information

Gridina Tatiana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Konovalova Nadezhda Ilynichna – Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Date of receipt: 08.11.2023; date of publication: 30.12.2023